

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА.

Антонъ Чеховъ: «Дуэль», повесть, изд. 2-о. Спб. 1892 г. — «Жена», повесть («Северный Вѣстникъ», № 1).

Маг. 10234

(Окончание *)

VI.

При нашихъ упереныхъ и дикихъ свѣтославіи, наукопепавистичествѣ и идеефобствѣ, — у насъ давно уже практикуется въ литературѣ такой обычай: берется какой-нибудь ученый, идейный, а быть такъ и вообще интеллигентный уродъ, расписывается самыми мрачными красками: и жалодушный трусъ-то онъ, и черствый эгоистъ, и персно развитый сластолюбецъ, одинокъ словомъ — негодяй съ головы до ногъ. Типъ выходитъ очень втрѣнь дѣйствительности, и читатель не можетъ не признать, что такихъ людей онъ встрѣчалъ въ жизни во множествѣ. Но сколько-бы мы ихъ ни встрѣчали, вправдѣ-ли мы сказать, чтобы выведенный подобнаго рода уродъ представлялъ собою всю интеллигенцію во всей ея массѣ, а не оправдывалъ собою лишь пословицу: «въ семьѣ не безъ уродъ»? Но авторъ сѣло заявляетъ намъ: вотъ какова ваша интеллигенція, ваша ученость, ваша такъ называемая, съ позволенія сказать, идеиность; вотъ она какіе производитъ ужасные монстры.

И тутъ-же рядомъ, ради контраста, выводятся нѣсколько непосредственныхъ простецовъ изъ теплой массы людей, едва гранотныхъ и никогда ни въ какія книги не заглядывающихъ; и такіе они всѣ оказываются гуманные, такіе чистые сердцемъ, такіе мудрые, великодушные, доблестные; и отсюда слѣдуетъ нравоученіе: не запоситесь гордыхъ разумомъ и не кичитесь вашею ученостью и книжностью, а уподобляйтесь сими простымъ и безхитростнымъ людямъ, живущимъ по праотеческимъ законамъ и черпающимъ всю свою мудрость изъ невечерпаемой сокровищницы простого, природнаго здраваго смысла, будьте мудры, какъ зѣвъ, и кротки и чистосердечны, какъ дѣти. — и благо вамъ будетъ, будете чувствовать себя на твердой, прочной почвѣ, изъ которой, подобно Михаилу Селяниновичу, сможете почерпнуть необъятныя, таившіяся въ ней, силы.

Въ этомъ отношеніи г. Чеховъ является далеко не открывателемъ новой Америки; онъ существуетъ по исторической тропинкѣ и практикуетъ то, что давно уже практиковалось и практикуется въ нашей литературѣ. Онъ слѣдуетъ лишь одно нововведеніе. Прешніе пра-

* Рус. № 11 «Новотой».

волюбцы, вывода благодѣльныхъ простецовъ рядомъ съ интеллигентными уродами, махали обыкновенно на послѣднихъ рукою и предполагали, что, разъ уже человекъ окупился въ бездну книжной премудрости и умъ зашелъ у него за разумъ, — возврата нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ-же отдѣлаться отъ того, что разъ уже прочелъ у своихъ, до чего дошелъ, успѣвши вѣстѣ съ тѣмъ въ соответственной степени развратиться? Но г. Чеховъ полагаетъ, что ничего не стоитъ свалить съ себя такую угодно уйму учености съ такою-же легкостью, какъ пошное платье, и остаться въ наготѣ первобытной непосредственности, и вотъ онъ производитъ опыты надъ подобнаго рода опрощеніемъ и спасеніемъ сбившихся съ пути интеллигентныхъ уродовъ въ мирной гавани беззавѣтной пошлости.

VII.

Въ исторіи съ Лаевскимъ это еще не столь ясно и вразумительно: тамъ все какъ-бы ничего, прилично, и только изрѣдка нѣтъ, нѣтъ, да и нахлещетъ на васъ какимъ-то затхлымъ душкомъ. Превращеніе Лаевского васъ озадачиваетъ, правда, своею неправдоподобностью, но пѣтегъ и свои симпатичныя стороны: во-первыхъ, вамъ нравится, что онъ простилъ блудницу и женился на ней, хотя для васъ и неясно, откуда взялась въ немъ снова любовь къ ней послѣ того охлажденія и разочарованія, какое онъ выказывалъ въ продолженіи всей повѣсти; нравится вамъ и то, что изъ празднаго дѣтля и бабника онъ сдѣлался цѣломудреннымъ труженикомъ. Что это все превращенія равно симпатичны для всѣхъ безразлично, — мы можемъ судить по тому, что передъ ними умилились не только непосредственные простецы, вроде Самойленка и дьякона, но и хищны въ своей безопадно-жестокон интеллигентности фопъ-Корень.

И только когда вы вдумаетесь въ тѣ результаты, въ которыя приводитъ васъ повѣсть во всемъ ея составѣ, вы увидите, что въ ней таится такое заключеніе: пока Лаевскій и Надежда Федоровна въ своей интеллигентной книжливости мечтали о широкой общественной дѣятельности на пользу народа, — они оставались праздны, были и сами развратны, и вокругъ себя распространяли одинъ развратъ; а какъ только они бросили свои фантастическія мечты и стали заботиться не объ обществѣ и народѣ, а о самихъ себѣ, они встали на твердую почву и испознались всѣхъ скныхъ добродѣтелей. Господи, Господи! неужели и въ самомъ дѣлѣ мы дошли до такого озвѣрѣнія, что въ сердце можемъ думать, будто малѣйшее понижленіе объ общей волѣтъ ведетъ въ разврату!...

Но въ разсказѣ «Жена» г. Чеховъ идетъ еще дальше. Изъ этого разсказъ можно заключить,

2
что излишняя забота о принесении пользы народу ведет не только къ разврату, но положительно къ какому-то адскому человеконенавистничеству. Здѣсь выведенъ, въ свою очередь, интеллигентный уродъ, и — надо правду сказать — опять-таки выведенъ въ художественномъ отношеніи безподобно.

Павель Андреевичъ не праздный развратникъ, не бабникъ, подобно Лаевскому, а человекъ очень трудолюбивый, цѣломудренный и энергичный. Но въ то-же время это одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ людей, которые, куда-бы ни переселились, сейчасъ-же возбуждаютъ противъ себя всеобщее ожесточеніе. Мало того, что онъ отталкиваетъ отъ себя всѣхъ своею маніею величія, высокомеріемъ, доходившимъ до огульнаго презрѣнія ко всѣмъ окружающимъ, но къ этому присоединяется бесцеречно-черствый формализмъ, и къ тому-же, какъ увидимъ ниже, онъ пр...

VIII.

Бывшій инженеръ, служившій некогда по министерству путей сообщенія, Павель Андреевичъ вышелъ въ отставку, поселился въ своемъ имѣніи и весь ушелъ въ писаніе «Исторіи желѣзныхъ дорогъ». Но разразившаяся въ краѣ голодовка прервала его ученую дѣятельность. До него со всѣхъ сторонъ начали доноситься тревожные слухи о бѣдствіи крестьянъ, о томъ, что крестьяне дошли до такой крайности, что сдираютъ солому съ крышъ, чтобы кормить ею скотъ; въ деревняхъ развилась чуть не поголовно эpidемія голодного или сыпного тифа. Къ самому Павлу Андреевичу каждое утро какіе-то мужики приходили въ людскую кухню и становились тамъ на колѣни; наконецъ, ночью изъ его амбара вытащали двадцать кулей ржи, слышавъ предварительно стѣну.

И вотъ, прежде чѣмъ предпринять что-нибудь на помощь голодающимъ, Павель Андреевичъ, преслѣдуя идею законности, не замедлил выказать свой бездушный формализмъ: не принявъ въ расчетъ, что къ воровству изъ его амбара двадцати кулей побудилъ мужиковъ голодъ, безъ всякаго сожалѣнія и состраданія, онъ сейчасъ-же о кражѣ крестьянъ извѣстилъ телеграммой губернатора, прокурора, слѣдователя; начались обыски, начали арестовывать то тѣхъ, то другихъ крестьянъ, по подозрѣнію. Эта исторія, конечно, не замедлила весь около-токъ вооружить противъ такого безсердечнаго формалиста.

Между тѣмъ, Павель Андреевичъ, отвлеченный отъ своей ученой работы, аздавался мыслью организовать помощь голодающимъ крестьянамъ. убѣжденный, въ своемъ гигантскомъ вы-

сономѣріи, что во всемъ уѣздѣ только онъ одинъ способенъ на это.

«Кромѣ меня, — повѣствуетъ онъ, — какъ я былъ убѣжденъ, въ этомъ уѣздѣ положительно никому было помочь голодающимъ. Окружали меня люди необразованные, неразвитые, равнодушные, въ громадномъ большинствѣ нечестные, или-же честно, но вѣбальшіе и не серьезные, какъ, напримѣръ, моя жена. Положиться на такихъ людей было нельзя, оставить мужиковъ на произволъ судьбы было также нельзя; значить, оставалось покориться необходимости и самому заняться приведеніемъ мужиковъ въ порядокъ».

«Началь я съ того, что рѣшилъ пожертвовать въ пользу голодающихъ пять тысячъ рублей серебромъ. И это не уменьшило, а только усилило мое безрокоство. Когда я стоялъ у окна или ходилъ по комнатамъ, меня мучилъ вопросъ, котораго раньше не было: какъ распорядиться этими деньгами? Приказать куить хлѣба, пойти по базару и раздавать — это не подѣ силу одному человеку, не говоря уже о томъ, что второпяхъ рискуешь дать сытому или кулаку вдвое больше, чѣмъ голодающему. Администраціи я не вѣрилъ. Въ эти земскіе начальники и податные инспектора были люди молодые, и къ нимъ относился я подозрительно, какъ ко всей современной молодежи, материалистической и не имѣющей идеаловъ. Земская управа, волостныя правленія и всѣ, вообще, уѣздныя канцеларіи также не внушали мнѣ ни малѣйшаго желанія обратиться къ ихъ помощи. И анализъ, что эти учрежденія, присоединившись къ земскому и казенному широгу, каждый день держали рты наготовѣ, чтобы присосаться къ какому-нибудь еще третьему широгу».

«Мнѣ приходило на мысль пригласить къ себѣ сосѣдей помѣщиковъ и предложить имъ организовать у меня въ домѣ что-нибудь вроде комитета или центра, куда-бы стекались всѣ пожертвованія и откуда по всему уѣзду давались-бы пособия и распоряженія; такая организація, допускавшая частіа совѣщанія и широкій свободный контроль, вполне отвѣчала моимъ взглядамъ, но я воображалъ закуски, обѣды, ужины и тотъ шумъ, праздность, говорливость и дурной тонъ, какіе неминуемо внесла-бы въ мой домъ эта нестрая уѣздная компанія, и смѣшилъ отказаться отъ своей мысли».

IX.

И между тѣмъ, какъ онъ, такимъ образомъ, все раскидывалъ своимъ разумомъ, что ему предпринять, чтобы организовать помощь народу самымъ что ни на есть идеальнымъ способомъ и съ идеальными людьми, — вдругъ онъ, къ стыду своему, узнаетъ, что его супруга, Наталья Гавриловна, давно уже все это сдѣлала и блистательнымъ образомъ организовала помощь народу при сообществѣ того самаго мѣстнаго общества, которымъ онъ столь гнушался.

Надо заѣхать при этомъ, что отношенія его къ жепѣ были столь-же возмутительны, какъ и ко всѣмъ окружающимъ. Онъ давно уже успѣлъ оттолкнуть ее отъ себя своимъ отвратитель-

нымъ характеромъ, но въ то же время не давалъ ей ни паспорта, ни развода, и держалъ ее, что называется, на возжахъ, заботясь, видите ли, о томъ, чтобы выпустившая на волю, на всѣ четыре стороны, она своимъ поведениемъ не нанесла позора его дворянской чести. Онъ только на время отпускалъ ее за границу или къ роднымъ, и тогда посылалъ ей денегъ — понемногу, но почаще, чтобы, какъ онъ выражался, «жалить ее самолюбіе»; ему доставляло удовольствіе и было единственнымъ утѣшеніемъ въ горѣ, что его гордая, самолюбивая жена, со всею своею роднею, не можетъ отказаться отъ его денегъ. Жила она въ двухъ разныхъ этажахъ; у каждого текла своя особенная жизнь, были свои интересы и знакомые, а когда они случайно встрѣчались въ корридорѣ или на дворѣ, они приветливо разсказывались, говорили о погодѣ, о томъ, что, кажется, пора уже вставлять двойныя рамы и что кто-то со звонами по плотницъ провѣхалъ, и въ это время онъ читалъ на ея лицѣ: «Я вѣрна вамъ и не порочу вашего честнаго имени, которое вы такъ любите, вы умны и не беспокойте меня, — мы квиты».

Но съ каждой страницей повѣсти поведеніе Павла Андреевича все болѣе и болѣе возмущаетъ и ожесточаетъ. Такъ онъ однажды, педагогично вторгся въ апартаменты жены, когда у нея собралось общество, и изъ какого-то отвратительнаго злобнаго желанія «наступить женѣ каблучкомъ на носокъ и при этомъ улыбнуться», началъ третировать ея гостей en сапайле: такъ, на примѣръ, доктора Соболя назвалъ г-мъ Епотошъ, и кончилось тѣмъ, что она попросила его немедленно-же удалиться. Но онъ не ограничился этимъ. Узнавъ о томъ, что жена успѣла уже организовать помощь голодающимъ, онъ на другое-же утро явился къ ней и громкогласно заявилъ ей:

— Убѣдительно прошу, чтобы этихъ сборищъ, заговоровъ и конспиративныхъ квартиръ у меня въ домѣ больше не было! Въ свой домъ я пускаю только тѣхъ, съ кѣмъ я знакомъ, а эта вся ваша сволочь, если ей угодно записаться филантропией, пусть ищетъ себѣ другое мѣсто. Я не позволю, чтобы въ моемъ домѣ по ночамъ орала «ура» отъ радости, что могутъ эксплуатировать такую психопатку, какъ вы...

Но и этою возмутительнѣйшею выходкою не ограничился Павелъ Андреевичъ. Онъ забралъ отъ Натальи Гавриловны всѣ ея бумаги по дѣлу организаціи помощи прѣстѣпанамъ, говоря при этомъ:

— Вы женщина, вы неопытна, незнакома съ жизнью, слишкомъ довѣрчивы и экспансивны. Вы окружили себя помощниками, которыхъ совершенно не знаете. Не преувеличу если

скажу, что при названныхъ условіяхъ ваша дѣятельность неминуемо повлечетъ за собою два печальныхъ послѣдствія. Во-первыхъ, нашъ уѣздъ останется совершенно безъ помощи, и во-вторыхъ, за свои ошибки и за ошибки вашихъ помощниковъ вамъ придется раслачиваться не только собственными карманами, но и своей репутаціей. Растраты и упущенія, допустимъ, я покрою, но кто вамъ возвратитъ ваше честное имя? Когда, вслѣдствіе плохого контроля и упущеній, разнесется слухъ, что вы, стало быть — и я, пажили на этомъ дѣлѣ двѣсти тысячъ, то развѣ эти помощники придутъ къ вамъ на помощь?

— Берите, все берите! — сказала Наталья Гавриловна, — плача, смѣясь и помогая мужу складывать бумаги въ пакки. — Берите все, это все, что оставалось у меня въ жизни... Отнимайте послѣднее!

Затѣмъ она повалилась на кушетку и истерически рыдала до тѣхъ поръ, пока онъ разсматривалъ бумаги. Наконецъ, онъ самъ увидѣлъ, что перемахнулъ черезъ край, увидѣлъ, съ какой злобой и отвращеніемъ глядятъ на него слуги. У него проснулось нѣчто вроде совѣсти и в голову мелькнула мысль: — «какая, однако, я гадина!» Онъ возвратилъ женѣ бумаги, рѣшился даже самъ пожертвовать свои 5,000 р. крестьянамъ черезъ нее, и объявилъ женѣ, что завтра утромъ онъ уѣзжаетъ.

X.

Авторъ предоставляетъ намъ всѣ эти возмутительные поступки объяснить тайною любовью, которую продолжалъ питать въ сердцѣ своемъ Павелъ Андреевичъ къ своей женѣ, и эта любовь не допускала его оставить ее въ покоѣ. Я нисколько не противъ существованія подобной любви. Что-жъ! львы и тигры также по своему любятъ, причѣмъ — чѣмъ сильнѣе любовь ихъ, тѣмъ съ большею яростью вонзаютъ они свои зубы и когти въ предметы своей вѣжливой страсти. Поэтому, какъ-бы сильно ни любилъ Павелъ Андреевичъ, это не мѣшаетъ оставаться въ полной силѣ той отповѣди, какую Наталья Гавриловна прочла ему на прощанье. Вотъ эта отповѣдь, прекрасно характеризующая героя повѣсти:

— Вы прекрасно образованы и ласканы, очень честны, справедливы, съ правилами, но все это выходитъ у васъ такъ, что куда-бы вы ни вошли, вы всюду вносите какую-то духоту, гнетъ, что-то въ высшей степени оскорбительное и унижающее. У васъ честный образъ мыслей, и потому вы ненавидите весь міръ. Вы ненавидите вѣрующихъ, такъ какъ вѣра есть выраженіе незрѣлости и невѣжества, и въ то-же время ненавидите и невѣрующихъ — за то, что у нихъ нѣтъ вѣры и идеаловъ; вы ненавидите стариковъ за отсталость и консерватизмъ, а молодыхъ за вольнодумство.

Вамъ дороги интересы народа и Россіи, и потому вы ненавидите народъ, такъ какъ въ каждомъ подозреваете вора и грабителя. Вы всёхъ ненавидите. Вы сиредливы и всегда стоите на почвѣ законности, и потому вы постоянно судитесь съ мужиками и сосѣдями. У васъ украли 20 рублей ржи, и, изъ любви къ порядку, вы пожаловались на мужиковъ губернатору и всему начальству, а на дѣшное начальство пожаловались въ Петербургъ. Почва законности!—сказала она и засмѣялась.— На основаніи закона и въ интересахъ нравственности вы не даёте мнѣ паспорта. Есть такая нравственность и такой законъ, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь въ праздности, въ тоскѣ, въ постоянномъ страхѣ, и получала-бы за это столъ и квартиру отъ человѣка, котораго она не любитъ. Вы превосходно знаете законы, очень честны и сиредливы, уважаете бракъ и семейныя основы, а изъ всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сдѣлали ни одного добраго дѣла, всё васъ ненавидятъ, со всѣми вы въ ссорѣ, и за эти семь лѣтъ, пока женаты, вы и семи мѣсяцевъ не прожили съ женой. У васъ жена не было, а у меня не было мужа. Съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, жить невозможно, нѣтъ силъ. Въ первые годы мнѣ съ вами было страшно, а теперь мнѣ стыдно. Такъ и пропали лучшіе годы. Пока воевала съ вами, я испортила себѣ характеръ, стала рѣдкой, грубой, недоверчивой... Э, да что говорить! Развѣ вы захотите поинты?.. Идите себѣ съ Богомъ...»

XI.

Согласитесь, что, въ свою очередь, это такой рѣзкій, опредѣленный, цѣльный характеръ, который представляется вамъ словно вылитымъ изъ бронзы: его можно разбить вдребзги, но измѣнить въ немъ хотя одну черточку—это, воля ваша, это было-бы чудо изъ чудесъ. Такіе люди не мѣняются даже въ цвѣтущей молодости, а тѣмъ болѣе подлѣ 50 лѣтъ. Какая любовь можетъ заставить поступиться своими привычками и правилами человѣка, заматорѣвшаго въ нихъ, прожившаго съ ними всю жизнь? И что-же раньше-то эта самая любовь не дѣйствовала, не совершала своего чуда? Чего она медлила? Да и въ настоящее время, въ продолженіе всей повѣсти мы видимъ, что эта самая любовь только и заставила героя, что нагромождать одну возмутительную гадость на другую. И вдругъ—что-же въ немъ произошло въ послѣдній моментъ? Поѣхалъ онъ на станцію, чтобы уѣхать въ Петербургъ, и вдругъ за двадцать минутъ до звонка отдумалъ, и отправился за 30 верстъ, къ нѣкому Ивану Ивановичу Брагину, помѣщику, напоминающему своимъ внѣшнимъ видомъ и гостеприимствомъ Петра Петровича Пѣтуха.

— Цѣлый рядъ непослѣдовательныхъ поступковъ,—думалъ при этомъ герой;—это я сошелъ съ ума. Ну, пускай...

У Брагина стояло ему съѣсть обѣдъ изъ поросенка, со сметаной, шей, кашу, пирога соуса

изъ голубей, петуховъ, жаренаго поросенка, утки, куропатокъ, цвѣтной кашусты, варениковъ, творогу съ молокомъ, киселя и блинчиковъ, и выпить съ докторомъ Соболевымъ несчетное количество рюмокъ всякой всячины,—и вдругъ онъ преобразился, усвоивъ, во время оргіи у Брагина, отъ своихъ простодушныхъ собесѣдниковъ, такую святую истину, что все зло происходитъ отъ того, что мы слишкомъ беспокоимся, болимъ сердцемъ, хлопочемъ, а ничего этого не требуется: нужно быть равнодушнымъ. Онъ и сдѣлался равнодушнымъ, и тотчасъ-же помирился съ женою; она тихо вскрикнула, заплакала и выбѣжала въ сосѣднюю комнату, а онъ пошелъ наверхъ.

«Черезъ часъ,—повѣстуютъ онъ,—я уже сидѣлъ за столомъ и писалъ «Исторію житейныхъ дорогъ», и голодающіе не мѣшали мнѣ дѣлать этого. Теперь уже я не чувствую безпокойства. Ни тѣ беспорядки, которые я видѣлъ, когда на-дняхъ съ женою и съ Соболевымъ обходямъ избы въ Пестровѣ, ни зловѣщія слухи, ни ошибки окружающаго народа, ни моя близкая старость—ничто не беспокоитъ меня. Какъ догорающія ядра и пули на войнѣ не мѣшаютъ солдатамъ говорить о своихъ дѣлахъ, такъ и голодающіе не мѣшаютъ мнѣ спокойно спать и заниматься своими личными дѣлами. У меня въ домѣ, во дворѣ и далеко кругомъ кипитъ работа, которую докторъ Соболевъ называетъ «благотворительной оргіей»; жена часто входитъ ко мнѣ и со своимъ монашескимъ выраженіемъ спокойно обводитъ глазами мои комнаты, какъ-бы лица, что еще можно отдать голодающимъ, чтобы «найти оправданіе своей жизни»; и я вижу, что, благодаря ей, скоро отъ нашего состоянія не останется ничего и мы будемъ бѣдны, но это не волнуетъ меня, и я весело улыбаюсь ей. Съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ въ одномъ полку съ равнодушными людьми, я сталъ самъ равнодушенъ, и мнѣ хорошо. Что будетъ дальше—я не знаю».

Спрашивается, опять-таки: что это за странная отвращеніи отъ всякихъ энергическихъ хлопотъ, заботъ, тревогъ и безпокойствъ о своемъ родномъ краѣ? На какомъ основаніи строится такая дивная дилемма, будто невыселимо хлопотать и беспокоиться безъ того, чтобы не быть въ то-же время заносчивымъ и высокомернымъ, продѣ Павла Андреевича, и непримѣнно нужно сдѣлаться какимъ-то равнодушнымъ, для того, чтобы выѣсть съ тѣмъ укротить свою строптивость и сдѣлаться тише воды, ниже травы?

Вообще, слѣдуетъ посовѣтывать нашимъ безлегрисстамъ—прежде чѣмъ своихъ читателей учить философіи скудомыслия и равнодушія, оглянуться на себя и самимъ-то перестать мудрствовать лукаво.

А. Скабичевскій.